

Михаил Лабащук
(Университет Бельско-Бялы)

Становление антропоцентристских теорий в современном языкознании

Антропоцентристская методология хотя и создает впечатление близости к антропологической методологии, все же является не близким, а, скорее, контрастивным эпистемологическим подходом в исследованиях. Антропологические теории (в противоположность антропоцентристским) можно квалифицировать как социологические, а в своей крайности даже социоцентристские, а потому как метафизические теории. Базовой категорией антропологических теорий в языкознании является социолект как надличностное явление. Напротив, базовой категорией антропоцентристских теорий в языкознании является идиолект как единственная субъектная (онтологически исходная) категория существования личности и общества. Онтологические категории идиолекта и социолекта, личности и общества являются взаимообусловленными, но исходной и базовой является первая (выделенная) часть в приведенных антиномиях.

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2015.

Publisher: Institute of Slavic Studies, PAS & The Slavic Foundation
[Wydawca: Instytut Sławistyki PAN & Fundacja Sławistyczna]

В антропоцентристских теориях противопоставление «идиолект – социолект» интерпретируется не так, как в антропологических и социологических теориях. При функциональном подходе в антропоцентристских теориях сама категория социолекта признается частью идиолекта, а не наоборот, как в социологических теориях идиолект признается частью социолекта. Центральное место в современных идиолектных теориях языка занимают теории индивидуального языка, его становления и соотношения с поведением, эмоционально-образными, когнитивными, логическими, волевыми и др. способностями личности при исследовании и сравнении их с подобными и отличными способностями, проявляющимися в идиолектах других личностей. Однако в современном языкознании идиолектные теории языка не являются преимущественными по своему признанию и частотности, однако являются особо значимыми и важными по своему значению функционально-прагматическому значению.

Важно обратить внимание на то, что в языкознании разрешением антиномии категорий идиолект – социолект в применении к лингвистической проблематике является их синтез в категории языковой деятельности (*langage*). Примечательно, что при этом противопоставление «язык – речь» является не тем же самым, что противопоставление «идиолект – социолект». Категорией, синтезирующей данные противопоставления, является коммуникация как составная часть предметно-практической деятельности. Однако в антропоцентристских теориях языка данные противопоставления выглядят как противопоставление идиолекта другим индивидуальным идиолектам. А синтезом антиномий «идиолект – другой идиолект» является коммуникация в понимании языковой деятельности (*langage*). Соответственно, антиномия *langue – parole* признается не как антиномия «социолект – идиолект», а как антиномия «система индивидуального языка – индивидуальная речь».

Современное языкознание вынуждено брать во внимание результаты исследований из самых разных отраслей науки. Более того, языкознание, уже значительно укрепив свои теоретические и прикладные позиции как самостоятельной науки, вполне обоснованно само усиливает свое влияние на современную науку и философию. Языкознание в спорной сущности своего предмета (языкознание – это естественнонаучная дисциплина или гуманитарная дисциплина?) фактически отвоевывает и утверждает позиции естественнонаучной дисциплины – а, как утверждал В. Вернадский, именно естественные науки расширяют объект и про-

странство исследований в гуманитарных науках и в философии¹. Представители гуманитарных наук под влиянием исследований семиотики от первой половины XX века признают центральное место лингвистики в своих исследованиях. Представители современных точных наук также вынуждены брать во внимание влияние языковых моделей мышления на структуры познания и на объект своих исследований.

Важность эмпирических и гносеологических обобщений в науке проявляется прежде всего в прагматике обобщений. Прагматика семиотической модели Первичности, Вторичности и Третичности Ч. Пирса остается актуальной в XXI-ом веке и продолжает развиваться во многих аспектах.

Действительность есть нечто грубое. В ней нет никакого смысла (Пирс, 2000, с. 8).

Этим определяется самоценное качество Первичности в существовании человека. Взаимодействие как основа нашего существования составляет сущность Двоичности:

Мы обладаем как бы двусторонним сознанием воздействия и сопротивления (Пирс, 2000, с. 8).

Подобное взаимодействие является основой закона Троичности в прагматике Ч. Пирса:

Мы не проводим и пяти минут своего бодрствующего состояния без того, чтобы не сделать своего рода предсказание (Пирс, 2000, с. 8).

Таким «законом» являются модели сознания и коммуникации:

---

¹ «Для ученого эмпирическое обобщение есть основа всех его знаний, самая достоверная их форма. Но для того чтобы связать какое-нибудь эмпирическое обобщение с другими фактами и с другими эмпирическими обобщениями, ученый должен пользоваться теориями, аксиомами, моделями, гипотезами, абстракцией. В этой области существуют лишь несовершенные попытки. Совершенно очевидно, что существует определенное направление в палеонтологической эволюции организованных существ и что появление в биосфере разума, сознания, направляющей воли – этих основных проявлений человека – не может быть случайным. Но для нас еще невозможно дать какое-нибудь объяснение этому явлению, т. е. нельзя логически связать его с современным научным построением мира, опирающимся на аналогии и аксиомы» (Вернадский, n.d.). Семиотические мыслительные и коммуникативные модели тоже являются своего рода эмпирическими обобщениями проявлений сигнально-практического социального поведения.

Опыт есть течение жизни, мир же есть то, что насаждается опытом. ... Мы живем в двух мирах: мире фактов и мире фантазий (Пирс, 2000, с. 24).

Факты являются всего лишь частями феноменов опыта и являются результатом взаимодействия восприятий, эмоций, воли, а также понятийных и семиотических моделей сознания и мышления. Подобные аспекты все более убедительно становятся опорными категориями современных функциональных и прагматических теорий языкознания. Значение как основополагающая категория становления осмысленности человеческого существования приобретает центральную роль в регулировании онтологии взаимодействий:

грубое противодействие между вещами должно смениться приведением их отношений к соответствию друг с другом, так, чтобы это соответствие имело ту форму, которую имеет сознание самого этого человека; в то время, как значение слова состоит в том способе, которым, заняв правильное положение в выражающей убеждение пропозиции, оно могло бы помочь привести поведение человека в соответствие той форме, которую имеет оно само (Пирс, 2000, с. 30).

Самое важное в конфигурации данных онтологических категорий (восприятие, воля, значение, эмоции, тексты, картина мира, стереотипы и др.) состоит в том, что поведение личности определяется не отдельными категориями, но целой совокупностью отношений между ними, а особенно важно то, что некоторые составляющие поведения (по крайней мере, например, интенция личности) всегда способны и должны корректироваться взаимным влиянием онтологии этих категорий.

Значение всегда, с той или иной степенью успеха, в конечном счете сводит противодействие внешнего к собственной форме. Более того, только в силу выполнения этой функции оно и может быть названо значением (Пирс, 2000, с. 30).

Примечательно и важно то, что алгоритм значения не всегда обязательно и автоматически реализуется в алгоритме поведения. Значение может существовать в сознании, но не обязательно должно быть функционально приемлемым. Важность интенции проявляется в возможности выбора алгоритмов значения либо в возможности изменения значения.

Вышеотмеченная проблематика во всех своих интердисциплинарных аспектах является предметом анализа в новой книге А. Киклевича *Ветка вишни. Статьи по лингвистике* (Киклевич, 2013).

Название книги – *Ветка вишни* – это в данном случае целевая метафора не языка, а речи, которая противопоставляет жизненность и эмоциональную прагматику речи логичности и модельной структурности языка. Знаменательно, что эта метафора напоминает известное изречение Гете: «Суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет». В книге А. Киклевича поднимается множество вопросов: эпистемология, языковая семантика, место и роль языка в мышлении, в коммуникации, в поведении и познании и др. Фактически эти вопросы ставятся в книге как теоретические проблемы прикладного языкознания, практического значения языка, причем проблематика приобретает многосторонний (интердисциплинарный) характер.

Мы говорим: действительность, но на самом деле имеем дело с образами действительности, например, перцептивными или эпистемическими, коллективными. Язык представляет собой часть действительности, но созданные учеными (не только лингвистами, но и философами, логиками, психологами, социологами) модели языка так же действительны, а может – еще больше, чем сам язык. Поэтому так важно понять, какой должна быть модель языка (с учетом наших возможностей и наших задач) или каким образом разные модели должны взаимодействовать друг с другом [выделение наше – М. Л.] (Киклевич, 2013, с. 8).

Функциональная направленность исследований проявляется прежде всего в исследовании языка и значения как алгоритма социального поведения, восприятия и мышления. Кроме того, как вступление к прикладным проблемам анализируется теория научных парадигм. А. Киклевич критикует теорию парадигм науки И. Бобровского и констатирует минимальность эпистемологических (методолого-гносеологических) теорий языка в польской лингвистической литературе. В этом отношении однако следует вспомнить важную методологическую теорию О. Лещака, которая в противовес традиционным историко-диахроническим теориям парадигм науки представляет историческую, но в то же время синхроническую теорию парадигм науки, в том числе и языкознания (см. Лещак, 1996).

А. Киклевич обоснованно предлагает использовать в качестве наиболее важного критерия описания лингвистических парадигм понятие категоризации:

парадигмы рассматриваются как альтернативные, конкурирующие друг с другом типы профилирования языка, а особенно – языкового знака.

Каждая новая парадигма по-своему определяет сущность языка, его основные свойства и подлежащие описанию аспекты. Эти аспекты могут быть формальными или функциональными, идиографическими (т. е. связанными с культурной мотивировкой языковой деятельности) или номотетическими (т. е. вытекающими из специфической природы языка) и т.д. (Киклевич, 2013, с. 17).

Справедливость подобного обоснования можно дополнить важным критерием методологической (гносеологической) исходности противопоставленных, или даже взаимоисключающих исследовательских подходов в теориях. Любая научная теория является либо эклектической, либо методологически «чистой», и тогда она сводится к одной из немногих противопоставленных, но частично комплиментарных эпистемологических парадигм. Среди этих немногих неэклектичных парадигм (не более четырех-пяти парадигм) отметим, например, рационалистский, или логический подход научных исследований (Г. Фреге, Б. Рассел, ранний Л. Витгенштейн, Н. Хомский и др.), метафизический подход (Платон, М. Хайдеггер, Г.-Х. Гадамер и др.), эмпиристский, или феноменологический (И. Павлов, Л. Блумфилд и др., то есть материалистические, бихевиористские, дескриптивные и др. теории), функциональный подход (Ф. де Соссюр², Ч. Пирс, Л. Выготский, Б. Малиновский и др.).

На основании семиотических аспектов номинирования категории (форма, сигнификативное значение, референтное значение, структура, контекст, принцип оптимальности) А. Киклевич выделяет соответствующие им парадигмы языкознания (парадигмы формальная, семаσιологическая, ономаσιологическая, структурная, постструктурная, парадигма универсализма). В синергетической модели знака и языка наиболее важным признается принцип оптимальности.

Универсалистская парадигма в языкознании утверждается как интегрирующая предшествующие парадигмы и характеризуется как доминирующее направление в современном языкознании.

Идея универсализма или родственная ей идея интеграции в науке в этом контексте кажутся привлекательными, но следует помнить, что научно

---

² Взгляды Ф. де Соссюра современные исследователи знают частично и односторонне и преимущественно интерпретируют его теорию как рационалистическую и структуралистскую, совершенно игнорируя функциональную и прагматическую направленность в сущности его теории (см. de Saussure, 2004, с. 57; Лабащук, 2012, сс. 38–41).

обоснованный универсализм требует совершенных инструментов исследования, а кроме того – зрелого научного сообщества, способного ставить и решать междисциплинарные задачи (Киклевич, 2013, с. 33).

Начало становления функциональной, универсалистской парадигмы в языкознании стало проявляться уже в XX веке, а особенно в конце и на переломе XX и XXI веков. Категория Языковой Личности, так же, как и категория языковой картины мира в качестве новых аспектов развития антропологического подхода в языкознании, возникли и активно проявляются в научных исследованиях в последние десятилетия³, в период осмысления результатов предшествующих этапов исследования когнитивных и коммуникативных способностей. Важность языка в опыте человека всегда высоко оценивалась в философских и научных теориях, но особенно стала проявляться в исследованиях на рубеже XIX–XX веков, не ослабевая в дальнейшем своей актуальности. Язык оказался в фокусе научных теорий в самых разных отраслях науки: в физиологии и психологии – З. Фрейд, И. Павлов, Л. Выготский, А. Лурия; в философии и логике – Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Ч. Пирс; в антропологии – Б. Малиновский; в социологии – Г. Тард. Безусловно, прежде всего само языкознание не только поднялось до способности решения интердисциплинарных задач абсолютно новыми методами, но и предложило новую и совершенную методологию исследований для всех гуманитарных наук – Э. Сепир, Ф. де Соссюр, Б. Уорф, Н. Трубецкой, Р. Якобсон, Н. Хомский, Ю. Апресян и мн. др.

На переломе XX и XXI веков в период постмодернизма и когнитивизма появлению категории языковой личности способствовало становление категорий когнитивной картины мира, языковой картины мира, теорий метафор и прототипов, функциональных теорий коммуникации и др. Данные новые теории позволили иначе и реальней ставить традиционные вопросы: что есть мир, общество, знак, коммуникация, личность, факт? и под.

Кроме категорий языковой личности, языковой картины мира в последние десятилетия в гуманитарных исследованиях высококу

---

³ Данные категории утверждались, начиная с 80-х годов XX века, хотя следует уточнить, что категория Языковой личности появилась несколько позже и является, скорее, следствием становления и утверждения в исследованиях категории языковой картины мира.

актуальность также приобрели такие термины и понятия как категория и категоризация. Не будет преувеличением утверждать, что понятия языковой личности и категоризации взаимодополняются. До XIX-го века подход в оценке функционирования и становления термина и понятия категория определялся, в основном, двумя критериями, или подходами: 1 – логическим (со стороны рационально-логических способностей сознания), 2 – эмпирическим (со стороны чувственного опыта личности). Начиная с конца XIX-го века появился и последовательно укреплялся третий подход, или критерий 3 – языковой критерий, который акцентирует внимание на своеобразии категоризирования (в их единстве) рационально-логического опыта личности, сенсорно-образного опыта и эмоционального опыта личности. Именно третий аспект, или критерий актуализируется в связи с исследованием когнитивно-мыслительных способностей личности. Этой актуализации способствует понимание фокусирующей роли индивидуального языка в регуляции когнитивных и коммуникативных проявлений поведения.

Решающее значение в протекании процессов категоризации имеют языковые способности, а в исследовании процессов категоризации подобное значение выполняет категория языковой личности. Бесспорно, личностный аспект и социальный аспект в теориях коммуникации взаимодополняются, однако в последнее время наблюдается постепенное укрепление антропоцентристских теорий перед социологическими (социоцентристскими) теориями языка.

Интересным и полезным является вопрос, что же дает современное акцентирование и прибавление фактора языковых способностей личности к классической антиномии познавательных способностей (антиномии рационально-логических способностей и чувственного опыта). Прежде всего, следует отметить, что языковые структуры одновременно и усложняют (детализируют), и стабилизируют когнитивную сетку восприятия, познания и коммуникации. Языковые структуры иерархизируют рефлексивные способности личности по соответствующим уровням и типам рационально-логического мышления. И в этой иерархии способностей по уровням и типам мышления опорную функцию выполняет структура знака. Помимо дифференциации знака на означающее и означаемое, само означающее знака является сложной структурой, соотносимой прежде всего с тремя логическими и прототипическими уровнями:

- гиперонимический (родовой, абстрактно-логический),
- базовый (родо-видовой, ментально-образный, с прототипической структурой центр – периферия),
- гипонимический (видовой, смешанный, синкретичный).

Вполне справедливо, что:

базовый уровень концептуализации предусматривает оптимальное количество информации, требуемое в нейтральных (неспециальных) условиях человеческой деятельности, в частности, в условиях естественной коммуникации, поэтому названия категорий базового уровня доминируют в разговорной речи, тогда как названия над- и подбазовых категорий более естественны в условиях специализированной коммуникации (Киклевич, 2013, с. 172).

Еще более важно то, что категории базового уровня и прототипические категории подобны в отношении когнитивной экономичности информации, в приемах структурирования и в моделях структуры (см. Kleiber, 2003, сс. 90, 96).

Прагматика языковой интуиции действует целостно в оптимальной сбалансированности означающего и означаемого знака, между тем традиционные лингвистические исследования и их выводы привязаны в первую очередь к форме и опираются на означающее языкового знака. Возникает множество закономерных вопросов, с которыми легко справляется языковое сознание, но на которые не дает прозрачного ответа современное языкознание. Например, почему полисемия не столь характерно проявляется на гиперонимическом уровне (почему абстрактность не способствует полисемии?), сколь она проявляется на базовом уровне, почему явление полисемии ограничивается единством сигнальной формы означающего при категориальной дифференциации означаемого и под.? Например, лексическая единица крыло всеми без исключения исследователями признается как полисемичная единица, или даже как омонимичная, но не признается полисемичной лексическая единица птица, а также не всеми исследователями признается полисемичной лексическая единица любовь. По-видимому, солидарности исследователей в подобном признании способствует то, что существительное крыло почти во всех своих значениях имеет лексико-семантический разряд конкретного существительного. Между тем, существительное любовь (*miłość*) по причине своей отвлеченности уже не столь единогласно признается исследователями

полисемичной единицей, даже скорее наоборот. Например, А. Вежбицкая считает эту единицу моносемичной (см. Wierzbicka, 2006, с. 275).

Хотя отличия в семантической структуре лексических единиц (птица, любовь, крыло) вполне очевидны, эти отличия интерпретируются исследователями качественно различно. Качественные различия в интерпретации своеобразия семантической структуры единиц крыло, птица, любовь и др., на наш взгляд, объясняются спецификой их системной парадигматики в системе языка и спецификой референтивной отнесенности в когнитивной картине мира. Прежде всего, примечательно то, что зачастую принципиально различные значения полисемичного слова тем не менее считаются тем же самым словом, и наоборот: очень близкие синонимы несмотря на свою семантическую близость единогласно считаются разными лексическими единицами. Объяснением данной непоследовательности может быть только методологическое нарушение единства и баланса в знаке означающего и означаемого и вышеотмеченное признание основой знака именно означающего знака, или даже его сигнальной формы.

Кроме того, дополнительным аргументом в объяснении может быть отсутствие иерархических родо-видовых отношений в структуре полисемичного слова, номинативно закрепленных в соответствующих лексических единицах. Ср., например, значение слова птица Д. Кляйбер называет аналитической полисемией, точнее, интуитивной однозначностью, объединенной с аналитической полисемией (*«intuicyjna jednoznaczność połączona z polisemią analityczną»*) (см. Kleiber, 2003, с. 178). Данное семантическое явление в отличие от традиционной полисемии характеризуется тем, что во внутренней структуре, например, слова птица виды птиц соответствуют одному роду, то есть одной категории, а разные значения полисемичного слова, например, слова крыло не соответствуют одной категории. Лексическая полисемия и аналитическая полисемия отличаются внутренней семантической структурой – лексическая полисемия имеет эпидигматически мотивированную структуру семантических отношений в значениях, а аналитическая полисемия имеет родо-видовую структуру семантических отношений, причем, как роды, так и виды в аналитической полисемии в отличие от лексической полисемии семиотически четко выделены.

Различия в понятийно-семиотических отношениях в явлениях аналитической полисемии и синкретической полисемии состоят в том, что:

- в аналитической полисемии родо-видовые отношения семиотически номинированы, то есть понятия функционально однозначно соотнесены с соответствующими знаками (в категориях птица, мебель, дерево, растение, посуда и др. (то есть структурированы в лексико-семантической системе языка),
- в синкретической полисемии понятийно-семиотические отношения в значительно меньшей степени структурированы, в частности, очень слабо структурированы родо-видовые отношения, они либо не номинированы вообще, либо опосредованно номинируются контекстуальными синонимами.

В родо-видовых отношениях аналитической полисемии актуализируется и укрепляется преимущественно вертикальное направление (рефлексивно-логическое) осознания категориальных отношений, а также коммуникативного мышления. А в мотивированных отношениях синкретической полисемии развивается преимущественно горизонтальное (эпидигматическое, деривативное) направление смежных отношений прагматики коммуникации).

Следует обратить внимание на структурирование концептуальной сетки когнитивной картины мира, которое выше мы отметили не как абсолютно последовательное, а как преимущественное. Аналитическая полисемия и синкретическая полисемия в языке, хотя разделены между собой, но часто не всегда разделены последовательно. Почти все иерархические парадигмы аналитической полисемии смешиваются за пределами своих прототипических примеров с полевыми структурами синкретической полисемии. Например, неоднозначно накладываются на себя парадигмы структур «живое – неживое», «дерево – растение», «дерево – куст», «растение – мох», «растение – гриб», «мебель – бытовой предмет», «чашка – кружка», «город – село» и мн. др.

Отсутствие абсолютной однозначности родо-видовых отношений даже в случаях аналитической полисемии свидетельствует о субъективности и относительности в объеме категориальных отношений. Ср., например, нередкою неоднозначность в отношениях «растение – дерево» и «живое – неживое». Пшеница или гвоздика являются прототипами либо входят в центр, но не в периферию категории растение, а дуб либо береза являются прототипами дерева. Однако дерево – это не растение в обыденной коммуникации, но вместе с тем дерево – это растение

в научной категоризации; также все растения являются референтами категории неживое, а все микробы являются референтами категории живое. Нередкая неоднозначность этих отношений, в первую очередь, свидетельствует не только о семиотической неоднозначности родо-видовых отношений в объеме лексико-семантических значений единиц, но и о нередкой неоднозначности отношений между категорией (понятием) и референтами категории (референтами понятия).

В объеме родовых и видовых структур категорий при создании новых понятий и номинаций действуют одновременно отношения актуализации и развития иерархичных (родовых) сем (прежде всего отношения подобия), а также актуализации и развития полевых сем (прежде всего отношения смежности). При этом не только отдельные семы входят в разные (вертикальные и горизонтальные) структуры категорий, но и целые комплексы сем входят в разные семиотические категории (разные, но информационно-близкие в иерархическом или полевом отношении). При этом эти комплексы сем накладываются друг на друга в отношениях подобия либо смежности (например, явления полисемии, омонимии, синонимии, конверсии и др.).

В современных лингвистических исследованиях полисемия как наиболее актуальная и важная проблема современного языкознания опирается на традиционные проблемы лингвистики – синонимию и омонимию, а также вынуждает развивать их, объединяя в одной теории. В этом отношении обращает на себя внимание обычно игнорируемое, но очень знаменательное в методологическом аспекте лексико-семантическое противоречие (отмеченное выше) традиционной лингвистики: семантически близкие (а часто даже очень близкие) синонимы традиционно считались и считаются разными знаками, но в то же время семантически разные значения (а часто даже совершенно разные значения) при сохранении своей мотивированности традиционно считались и считаются значениями того же самого знака.

В этом методологическом противоречии проявляется самое меньшее три традиционных недостатка лингвистических исследований:

- недооценивание двусторонней (дихотомической) тождественности знака, а кроме того, смешивание языкового и речевого модусов знака,
- неучитывание системно-семасиологического аспекта знака при исследовании функциональной реализации знака,

- непоследовательное разделение семиотического и понятийного аспектов знака либо, наоборот, неосознаваемое ошибочное отождествление семиотических и понятийных аспектов информации знака.

Неоднозначность, многокомпонентность, многоуровневость конфигурации сем знака, а также нередкая дублированность сем знака создают труднопреодолимые сложности в идентификации и квалификации знака.

Лексико-семантическое варьирование знака, изменение отношений в языковом и речевом модулах знака, морфолого-аналитическая дифференциация знака, лексико-синтаксическая валентность («синтагматическая семантика» – Киклевич, 2013, с. 126) онтологии знака часто в последнее время приводят исследователей к сомнениям в реальной онтологии знака, к сомнениям в оправданности использования категории «знак» в лингвистических исследованиях. Исследовательская позиция А. Киклевича укрепляет обоснованность классического понимания категории знак, развивает функционально-прагматические аспекты знака, а вместе с тем, что важно, преодолевает недостатки как традиционных теорий знака, так и новых взглядов в когнитивных и коммуникативных теориях языка и речи.

Трихотомическая структура значения знака (десигнат, сигнификат, денотат), является с одной стороны, оптимальной, относительно компактной и открытой (см. «открытая функциональная семантика» – Киклевич, 2013, с. 121), но, с другой стороны, слишком обобщенной и нередко размытой. Результатом данных особенностей в онтологии знака является опять же, с одной стороны, включенность значения знака в лексико-семантическую системность языка и в системность ономазиологических категорий, а, с другой стороны, усиливающаяся и обоснованная релятивность категории знака. Возможно, именно онтологически вполне обоснованная релятивность знака, то есть сложная функциональная структура конфигурации категориальных, таксономических, гиперонимических, базовых, гипонимических и др. сем знака в исследованиях может быть причиной пассивности многих исследователей перед категорией знака.

Сложность и неоднозначность конфигурации сем в значении знака подрывает доверие к однозначности и целостности онтологически реальных системно-структурных связей сем знака и даже позволяет в исследованиях игнорировать или нарушать онтологическую целостность знака

и манипулировать его аспектами. Наибольшую проблематику, в частности, составляют связи знака в мотивации развития и изменения знака при номинировании иного (смежного или подобного) понятия, при этом нередко в исследованиях безосновательно нарушается или разрывается связь означающего и означаемого знака, проявляется ошибочное отождествление сигнальной формы знака с означающим языкового знака, а также неразличение или отождествление означаемого языкового знака с актуальным понятием мышления при номинации этого понятия.

В современных исследованиях заметны новые подходы в интерпретации категории полисемии. В частности, примечательна функциональная интерпретация полисемии в теории А. Киклевича: сложность явления полисемии и неоднозначность полисемии подчеркиваются разными ракурсами видения и исследования – словообразовательным, идиоматическим, синтаксическим, метафорическим и др. аспектами. Напротив, традиционное понимание полисемии знака предопределено остатками влияния бихевиористских теорий на современную лингвистику. Многие современные теории многозначности – это остатки исследовательского формализма, социологизма и редукционизма, всегда опиравшихся прежде всего на форму знака и на феноменалистски понимаемый социолект. Подобные подходы определяли означающее как основу знака в ущерб его прагматике, а соответственно в ущерб его означаемого. Конечно, было бы ошибкой поддаваться тенденции к противоположному полюсу (что сейчас нередко делается) и определять основой знака означаемое знака (опять же нередко не уточняя, что является этим означаемым).

Оптимальным был бы подход по возрождению традиционно провозглашаемого, но, к сожалению, так же традиционно нарушаемого принципа, утверждающего, что знаком является установившийся в сознании языковой личности (в сознании личности и в языковой интуиции личности) баланс формы и значения, то есть означающего и означаемого. Прежде всего это значит, что знак следует идентифицировать не только по его означающему, но и по означаемому знака, разделяя при этом его семантику и прагматику. Однако при этом следует помнить, что знак – это не самостоятельный и не самоценный феномен, но лишь функция межличностной коммуникации в обществе и функция реализации субъективного мышления и познания. А поэтому семантику знака следует рассматривать (что позволяет категория языковой личности) в двух аспектах:

- 1 – во внешних связях семантики знака с соответствующим понятием (или понятиями) и в связях с соответствующим образом (или образами);
- 2 – в двух внутренних модусах знака – в модусе языкового знака и модусе речевого знака.

В этом отношении, как отмечает А. Киклевич, является актуальной и требует расширения своего применения, а кроме того, по нашему мнению, соответствующего (соответствующего современным функциональным подходам) уточнения теория асимметрического дуализма знака С. Карцевского. В частности, необходимо уточнение (разделение) функционирования семиотических и понятийных аспектов означающего и означаемого знака.

сигнальная форма	
означающее	речевая форма
	языковая форма
означаемое	языковое значение
	речевое значение
Понятие	

Таб. 1. Симметричные и асимметричные аспекты знака (тождества знака)

Методологически важными являются следующие два аспекта:

- 1 – сигнальная форма не является означающим, то есть не входит в состав означающего, понятие также не является означаемым,
- 2 – означающее проявляется в двух своих модусах (языковом и речевом), означаемое также проявляется в двух модусах (языковом и речевом).

А. Киклевич убедительно развивает теорию асимметрического дуализма знака С. Карцевского также в отношении к категории метафоры (что опять же подтверждает возможность вышеотмеченного эмпирического обобщения информации):

Применительно к когнитивной метафоре это означает, что одна и та же исходная концептуальная категория (например, «верх – низ») может использоваться (как источник) в разных метафорических моделях – это явление соответствует полисемии в лексической (языковой) семантике.

Синонимия же заключается в том, что одна и та же определяемая концептуальная категория интерпретируется в терминах разных исходных категорий (Киклевич, 2013, с. 164).

Позитивной оценки заслуживает критика современных теорий концепта в гуманитарных науках, прежде всего критика отсутствия функционального единства категории концепта⁴. Отмеченные лишь некоторые важные положения книги А. Киклевича, заслуживающие внимания, признания и развития, сигнализируют о новых антропоцентристских тенденциях в современной лингвистике. Данные положения теории А. Киклевича являются эвристическими, задают перспективную направленность в исследовании многосторонней проблематики и прагматики коммуникации. Современные функционально-структурные достижения лингвистики вселяют оптимизм и уверенность в том, что языкознание в ближайшее время окончательно укрепит давно утверждаемую позицию ведущей дисциплины среди гуманитарных наук.

Библиография

- Kleiber, G. (2003). *Semantyka prototypu: kategorie i znaczenie leksykalne*. (B. Ligara, Trans.). Kraków: Universitas.
- Saussure, F. de. (2004). *Szkice z językoznawstwa ogólnego*. (M. Danielewiczowa, Ed., Trans. & Introduction). Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG.
- Wierzbicka, A. (2006). *Semantyka: jednostki elementarne i uniwersalne*. Lublin: UMCS.
- Вернадский, В. (n.d.). *Автотрофность человечества*. Retrieved June 27, 2014, from http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Vernadsky_V.I._Avtotrofnost_Chelovechestva.html
- Киклевич, А. (2013). *Ветка вишни: статьи по лингвистике*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.
- Кравченко, А. В. (n.d.). *Что изучает концептология?* Retrieved July 30, 2013, from <http://www.academia.edu/1148123/>
- Лабащук, М. (2012). *Динамика структуры вербального знака в онтогенезе: методологический взгляд*. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Naukowe Akademii Techniczno-Humanistycznej w Bielsku-Białej.

---

⁴ Разумеется, оправдано то, что А. Киклевич не столь радикален в оценках, как А. В. Кравченко: «концептологические «штудии» - пример лингвистического шаманизма, где вместо камлания мы слышим малопонятные заклинания в виде концептологических «постулатов» (см. Кравченко, n.d.).

- Лещак, О. (1996). *Языковая деятельность: основы функциональной методологии лингвистики*. Тернопіль: Підручники і посібники.
- Пирс Ч. (2000). *Начала прагматизма*. Санкт-Петербург: Лаборатория метафизических исследований.

Bibliography (Transliteration)

- Kiklevich, A. (2013). *Vetka vishni: stat'i po lingvistike*. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej.
- Kleiber, G. (2003). *Semantyka prototypu: kategorie i znaczenie leksykalne*. (B. Ligara, Trans.). Kraków: Universitas.
- Kravchenko, A. V. (n.d.). *Chto izuchaet kontseptologii?* Retrieved July, 30, 2013, from <http://www.academia.edu/1148123/>
- Labashchuk, M. (2012). *Dinamika struktury verbal'nogo znaka v ontogeneze: metodologicheskii vzgliad*. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Naukowe Akademii Techniczno-Humanistycznej w Bielsku-Białej.
- Leshchak, O. (1996). *IAzykovaia deiatel'nost': osnovy funktsional'noi metodologii lingvistiki*. Ternopil': Pidruchnyky i posibnyky.
- Pirs, Ch. (2000). *Nachala pragmatizma*. Sankt-Peterburg: Laboratoriii metafizicheskikh issledovaniï.
- Saussure, F. de. (2004). *Szkice z językoznawstwa ogólnego*. (M. Danielewiczowa, Ed., Trans. & Introduction). Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG.
- Vernadskii, V. (n.d.). *Avtotrofnost' chelovechestva*. Retrieved June 27, 2014, from http://vernadsky.lib.ru/e-texts/archive/Vernadsky_V.I._Avtotrofnost_Chelovechestva.html
- Wierzbicka, A. (2006). *Semantyka: jednostki elementarne i uniwersalne*. Lublin: UMCS.

The development of anthropocentric theories in modern linguistics

Summary

The article highlights the unique position of anthropocentric theories within modern linguistics. To exemplify tendencies in the forming of idiolectic language theories in their functional aspects, I analyse the gnoseological approach in Alexander Kiklevich's linguistics. Modern linguistics differentiates between anthropocentric and anthropological theories of language. The base

category of the latter is sociolect as a supraindividual phenomenon. Anthropocentric linguistic theories are, in their turn, based on the category of idiolect as the ontologically unique category from which stems the existence of both the individual and society. In the functional approach of anthropocentric theories, sociolect itself is seen as a part of idiolect, whereas sociological theories, on the contrary, consider the idiolect a part of sociolect.

The two basic approaches, or sets of criteria, traditionally applied to defining the notion of *category* have been: (1) logical (adopting the perspective of the rational and logical capacities of consciousness) and (2) empirical (representing the perspective of the sensual experience of the individual). Beginning in the late 19th century, a new approach, or criterion, appeared and has been growing in importance. It might be referred to as: (3) the linguistic approach, which focuses on the exceptionality of how the necessarily unified rational-logical, sensual-imaginary and emotional experiences of the individual are categorised. It is namely that third aspect, or criterion, that is actualised in the studies of the individual's cognitive and mental capacities. Such actualisation is fostered by the researchers' awareness of the focusing role of individual language in regulating the cognitive and communicative manifestations of behaviour.

Within the structure of the sign, comprising of the signifying and the signified, the signified is itself a complex structure, essentially describable on three logical and prototypical levels:

- the hypernymic (generic, abstract-logical) level,
- the base (generic-particular, mental-imaginary) level (whose prototypical structure is *the centre-periphery*), and
- the hyponymic (particular, mixed, syncretic) level.

Alexander Kiklevich's theory proposes a classification of scientific paradigms; discusses the pragmatics and functionality of language in communication; emphasises the peculiarity of the conceptualising of information on the basic, supra-basic and sub-basic levels of communication; criticises the content of modern conceptology; finally, it develops and elaborates a distinctive approach to the issues of language polysemy and metaphor. Anthropocentric theories of modern linguistics strengthen the long-stipulated leading position of the discipline among the human sciences.

Kształtowanie się teorii antropocentrycznych we współczesnym językoznawstwie

Streszczenie

Artykuł zwraca uwagę na specyfikę teorii antropocentrycznych we współczesnym językoznawstwie. Jako przykład tendencji rządzących kształtowaniem się funkcjonalnych aspektów idiolektycznych teorii języka analizie poddane zostaje podejście gnozeologiczne w językoznawstwie Aleksandra Kiklewicza. Antropocentryczne teorie lingwistyczne przeciwstawiane są w dzisiejszym językoznawstwie antropologicznym teoriom języka. Podstawową kategorią tych ostatnich jest socjolekt jako zjawisko ponadjednostkowe. Podstawową kategorią teorii antropocentrycznych w językoznawstwie jest z kolei idiolekt jako ontologicznie niepowtarzalna kategoria wyjściowa istnienia jednostki i społeczeństwa. W przypadku podejścia funkcjonalnego w ramach teorii antropocentrycznych sama kategoria socjolektu uznana zostaje za część idiolektu, nie zaś odwrotnie, jak ma to miejsce w teoriach socjologicznych.

Termin *kategoria* określa się tradycyjnie za pomocą dwóch kryteriów czy też podejść: 1) logicznego (z perspektywy racjonalno-logicznych zdolności, jakimi dysponuje świadomość), 2) empirycznego (z perspektywy zmysłowego doświadczenia jednostkowej osobowości). Poczynając od końca XIX wieku pojawiło się, a następnie umocniło trzecie utrwaliło trzecie podejście – 3) kryterium językowe, które koncentruje się na swoistości kategoryzowania (ujmowanego jako nierozdzielna całość) doświadczenia jednostki: racjonalno-logicznego, sensoryczno-obrazowego i emocjonalnego. Właśnie ów trzeci aspekt ulega aktualizacji w związku z badań kognitywno-myślowych zdolności jednostki. Aktualizacji tej sprzyja wiedza o ogniskującej roli indywidualnego języka w procesie regulacji kognitywnych i komunikacyjnych przejawów zachowania.

Znak dzieli się na znaczące i znaczone, jednakże samo znaczone przedstawia sobą złożoną strukturę odnoszącą się do trzech poziomów logicznych i prototypowych:

- hiperonimicznym (rodzajowym, abstrakcyjno-logicznym),
- podstawowym (gatunkowo-rodzajowym, mentalno-obrazowym, o prototypowej strukturze *centrum-peryferia*),
- hiponimicznym (gatunkowym, mieszanym, synkretycznym).

Teoria Aleksandra Kiklewicza proponuje klasyfikację paradygmatów lingwistycznych, opisuje pragmatykę i funkcję języka w komunikacji, akcentuje swoistość konceptualizowania informacji na podstawowym, wyższym i niższym poziomie komunikacji, krytykuje treść współczesnej konceptologii, a także rozwija i konkretyzuje problematykę polisemii i metaforyki języka. Teorie antropocentryczne we współczesnym językoznawstwie wzmacniają od dawna postulowaną pozycję lingwistyki jako wiodącej dyscypliny nauk humanistycznych.

Становление антропоцентристских теорий в современном языкознании

Резюме

В статье отмечается своеобразие антропоцентристских теорий в современном языкознании. Как пример тенденций в становлении функциональных аспектов идиолектных теорий языка анализируется гносеологический подход в языкознании А. Киклевича. Антропоцентристские лингвистические теории в современном языкознании противопоставлены антропологическим теориям языка. Базовой категорией антропологических теорий в языкознании является социолект как надличностное явление. Напротив, базовой категорией антропоцентристских теорий в языкознании является идиолект как единственная онтологически исходная категория существования личности и общества. При функциональном подходе в антропоцентристских теориях сама категория социолекта признается частью идиолекта, а не наоборот, как в социологических теориях идиолект признается частью социолекта.

Традиционно термин категория определялся, в основном, двумя критериями, или подходами: 1 – логическим (со стороны рационально-логических способностей сознания); 2 – эмпирическим (со стороны чувственного опыта личности). Начиная с конца XIX-го века появился и последовательно укреплялся третий подход, или критерий 3 – языковой критерий, который акцентирует внимание на своеобразии категоризирования (в их единстве)

рационально-логического опыта личности, сенсорно-образного опыта и эмоционального опыта личности. Именно третий аспект, или критерий актуализируется в связи с исследованием когнитивно-мыслительных способностей личности. Этой актуализации способствует понимание фокусирующей роли индивидуального языка в регуляции когнитивных и коммуникативных проявлений поведения.

Помимо дифференциации знака на означающее и означаемое, само означаемое знака является сложной структурой, соотносимой прежде всего с тремя логическими и прототипическими уровнями:

- гиперонимический (родовой, абстрактно-логический),
- базовый (родо-видовой, ментально-образный, с прототипической структурой центр – периферия),
- гипонимический (видовой, смешанный, синкретичный).

В теории А. Киклевича представлена классификация лингвистических парадигм, прагматика и функции языка в коммуникации, акцентируется своеобразие концептуализации информации в базовом, надбазовом и подбазовом уровнях коммуникации, критикуется содержание современной концептологии, а также развивается и уточняется проблематика языковой полисемии и метафоричности. Антропоцентристские теории в современной лингвистике укрепляют давно утверждаемую позицию лингвистики как ведущей дисциплины среди гуманитарных наук.

Keywords: anthropocentrism; sociocentrism; scientific paradigm; idiolect; sociolect; category; sign; polysemy

Słowa kluczowe: antropocentryzm; socjocentryzm; paradygmat naukowy; idiolekt; socjolekt; kategoria; znak; polisemia

Ключевые слова: антропоцентризм; социоцентризм; научная парадигма; идиолект; социолект; категория; знак; полисемия

Mikhail Labashchuk, University of Bielsko-Biala
Correspondence: Labashchuk@gmail.com

The work has been prepared at author's own expense.

Competing interests: No competing interests have been declared.